

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Игорю Павловичу Соханю, нашему коллеге из Канады, исполняется 60. Школьные годы его прошли в Киеве, университетские — в Санкт-Петербурге, там же началась его карьера писателя и публициста, которая продолжилась впоследствии в Торонто, где Игорь Сохань живет и сейчас. Печататься Игорь Сохань начал в 1986 году и за эти годы издал несколько романов, повестей, сборников рассказов. Все эти годы он также выступал как публицист. Игорь Павлович — автор аналитических, публицистических статей и научных публикаций в журналах “Социология: теория, методы, маркетинг”, “Свободная мысль”, “Социологические исследования”, “Практична філософія”, “Наука. Культура. Общество”. Статьи его всегда актуальны, глубоко вписаны в современный социальный контекст. Читатели, наверное, помнят его статью “Принцип самодостаточности”, опубликованную в нашем журнале в 2014-м. В ней обсуждался вопрос, насколько возможно и нужно ли сохранять, развивать крупное государство, нацеленное преимущественно на решение внутренних проблем. Автору удалось акцентировать тему, которая потом стала одной из ключевых на выборах президента США в 2016 году.

В философско-социологическом творчестве юбиляра можно выделить три главных направления, получивших отражение в его публикациях. Это проблемы и перспективы человека в глобализованном мире; феномен благотворительности, рассматриваемый автором в контексте изменений взаимоотношений личности и государства в современную эпоху; персонализм как социальное явление, его сущность, формы и место в культуре. Эти темы нашли отражение в его книгах. На рубеже 2000-х были опубликованы социологические очерки “Время нового мира и Человек. Глобальные риски цивилизаций и поиск пути”, написанные им в соавторстве с Л. Сохань (Киев: Институт социологии НАН Украины, 2001). В дальнейшем, в ходе углубленного анализа разных аспектов темы “Человек и новый мир” родились две новые монографии автора. В книге “Философия благотворительности.

Счастье и грех” (Киев: Наукова думка, 2010) Игорь Сохань обсуждает такие современные течения, как филантрокапитализм и социальное предпринимательство, а также идеологию “поколения безгрешных”; в книге *“Исповедь персоналиста”* (Киев: Наукова думка, 2013) обращается к теме персонализма, рассматривая ее в контексте социальности индивида, включенности его в общечеловеческий опыт. Эти интересные тексты помогают читателю глубже осмыслить актуальные проблемы современного социального развития.

Поздравляем Игоря Павловича с юбилеем, желаем новых творческих успехов и с удовольствием представляем читателю его новую статью, в которой автор подводит итог своим многолетним размышлениям о перспективах развития современного общества.

ИГОРЬ СОХАНЬ,

писатель, публицист, Торонто, Канада

Сбывшееся предсказанное

Аннотация

Статья юбилейная. Автор размышляет о том, какие представления у него были 20 лет назад, начиная со статьи “Сбывающееся непредсказанное” в журнале “Свободная мысль” (1996, № 9) и других публикаций тех времен; что на сегодня сбылось; что кажется сейчас важным для будущего. Технический прогресс, техническая сторона финансовой политики и торговых отношений, самодостаточность крупных государств, новые демократические империи как кластеры периферийных государств, стянутых к доминирующему центру, возрождение идей классического анархизма в философии благотворительности и поведение доноров благотворительных фондов, значение подобных идей в реальной политике.

Ключевые слова: *технический прогресс, политическая жизнь, торговые отношения, самодостаточность государств, демократические империи, крамольные мысли, классический анархизм, благотворительность, философия благотворительности*

В 1996 году была опубликована наша с Лидией Васильевной Сохань статья “Сбывающееся непредсказанное” [Сохань Л.В., Сохань И.П., 1996]. Это было докризисное время, время неопределенности, когда ВВП Китая составлял примерно 900 млрд долларов, а через 17 лет (в 2013-м) увеличился в десять раз — до 9100 млрд долларов. Китайские товары в 1996 году слабо

покупали, покупатели предпочитали тайваньские или южнокорейские. В упомянутой статье рассматривался конфуцианский тип человека восточной культуры, нацеленный на упорядочивание мира, и было высказано предположение, что в эпоху торжества техники подобный тип человека станет доминирующим и может *победить* западноевропейский тип — фаустовский, тип *завоевателя* и *покорителя* мира.

В словах *победить покорителя* нет сарказма. Было очевидно, что страны, где люди тысячелетиями коллективно работали на рисовых полях, которые нужно орошать, наиболее пригодны для потоковой сборки компьютерных устройств, телефонов — там, где нужно точно, аккуратно, бесстрастно в стерильных условиях выполнять каждый день одну и ту же функцию. Западноевропейский человек, который 3000 лет сражался в боях с соседними странами, начиная с Троянской войны, картинно долго собирался на битву, как это описано в эпосе, гулял, затем ходил в крестовые походы, заселял южноамериканские и североамериканские континенты, — такой человек более пригоден не для потоковой сборки различных устройств, а для политических свершений. Западная цивилизация знаменита не своими научными достижениями. Абу ибн Сина (в латинском варианте Авицена), великий мусульманский ученый, не принадлежал к европейскому миру, хотя и оказал влияние на развитие европейской цивилизации. Исключительной особенностью именно европейской цивилизации можно назвать политику, которая создается не только политиками, но и зрителями. Скандалы, обиды и взаимное непонимание оказались превалирующими для тех, кому, собственно, с этого мало проку, а был — для рядовых зрителей. Политик — это артист на сцене, то есть смешной человек, занимающийся смешным, бессмысленным, но зрелищным делом. Выборщик — активный зритель, который страстно переживает, как спортивный болельщик, грызет семечки, жует попкорн, пьет пиво, ругается, “разговаривает с телевизором” и в крайней степени возбуждения, наконец, выходит на улицу для демонстрации с плакатами и лозунгами в одежде цвета любимой команды политиков или спортсменов. Таков европейский стиль жизни. Ристалища и Олимпийские игры, Колизей и бои гладиаторов, крестные ходы и аутодафе, забастовки в крупных мануфактурах и революции.

Политическая жизнь западноевропейского человека несоизмеримо более напряженная, страстная, причем постоянно, а не в период обострения. Разработка, принятие и выполнение закона чрезвычайно важны западноевропейскому человеку, и ради этого он готов не только работать и голосовать, а интересоваться политикой, ходить на демонстрации, в свободное и рабочее время поддерживать и организовывать длительные забастовки, выражая свою личную точку зрения. Тот, кто встает в 7 утра, в 8 уже на работе, собирает телефоны до 6 вечера с часовым перерывом на обед и возвращается домой в 7 вечера усталым, не будет бастовать и интересоваться политикой, если его устраивают работа, квартира, жена, еда, отдых в выходные. Он скорее купит лотерейный билет или пойдет не на демонстрацию, а в казино. А западноевропейцев политика всегда интересует превыше всего, интересовала и будет интересоваться. Вот такие это своеобразные люди. Западноевропейский человек любит конфликты. Он хочет, чтобы кроме работодателя был еще и профсоюз, чтобы была возможность не только работать ради хлеба, но и наслаждаться зрелищем конфликта. В западноевропейских странах обычно две и больше политических влиятельных партий — и это тоже зрелище, в котором каждый

имеет право участвовать. Считается, что разделение властей, наличие нескольких партий, сменяемость власти — это основа правильного развития общества: когда государство не давит на граждан и не использует их, а служит им. С другой стороны, бюрократы получают опыт работы, продвигаются по службе, поднимаясь с этажа на этаж на социальном лифте. Кроме этой рациональной причины, разделение властей доставляет наслаждение гражданам, поскольку иначе не будет зрелища. На общенациональной демонстрации его и не может быть. Все едины. Нет интриги. Когда ученицы одеты в одинаковую форму, нет зрелища, когда летают разноцветные бабочки — есть. На сакуру смотрят, любят ее и сочиняют стихи, только когда она цветет; глядя же на засохшую смоковницу, философствуют.

XX век был очень зрелищным. Две мировые войны к этой зрелищности не относятся. В каждой стране была своя мировая война, поскольку гражданские войны для жителей несоизмеримо хуже мировых: мировую войну забывают через десять лет, гражданская остается и живет в памяти столетиями.

Зрелищным можно назвать соревнование двух систем в XX веке: между *тоталитарным миром*, поскольку и коммунистический, и фашистский режимы были тоталитарными и социалистическими (Гитлер был вождем национал-социалистской немецкой рабочей партии), с одной стороны, и *свободным миром*, который в итоге по прошествии лет тоже стал достаточно социалистическим, с другой стороны. Такова интрига. Никто не знал, кто победит, и все следили, переживали, голосовали, выбирали. Ведь коммунистический режим вполне мог стать толерантным и первым допустить свободу ради общего блага. Это записано в большинстве Конституций, даже законодательно закреплено, но оказалось, что “бес — в деталях”. Каким-то образом капиталистический мир, дикий мир борьбы за наживу ради выживания, смог перестроиться первым — и возникли очень удобные государства. Не будем говорить в данном случае о США или России, поскольку тяжело носить “шапку Мономаха”, но многие мелкие государства (Норвегия, Дания, Сингапур, даже прежде дикая и практически безлюдная Австралия, которая показывает непрерывный рост в течение 30 лет) создали интригу: как бы всем странам научиться жить хотя бы 30 лет так, как Австралия, постоянно развиваясь, без рецессии? Неужели недостаточно построить стену и отгородиться от окружающих стран, а нужно именно вырыть ров и стать островным государством? Британия прорыла туннель под Ла-Маншем и таким образом фактически физически соединилась с Европой. Мы теперь наблюдаем за тем, чем все закончится. Это тоже своеобразное зрелище с двумя возможными перспективами: выйти из ЕС или остаться, зарыть канал или все-таки продолжать пользоваться.

В 2017 году конфликт двух различных подходов к жизни, как это ни странно после стольких лет плодотворного для всех сотрудничества, не угасает. Нет никакой возможности согласовать эти два подхода и в ближайшие десять лет. Вероятнее всего, крупные азиатские тигры, как их называли раньше, “попадут в зоопарк” и будут искать способы, как им “вырваться из клетки”. Продолжая тему завоевателя и распорядителя, следует отметить, что технику и ее влияние на развитие, по-видимому, следует трактовать шире, чем нами было заявлено в 1996 году. Вынужден высказать достаточно крамольную мысль, которая, однако, была очевидна всем изначально. Техника — это не только развитие промышленности, создание механизмов преобразования мира: машин, поездов, экскаваторов, ракет, и не только развитие информацион-

ных технологий, телефонов, компьютеров, логистики, новых способов передачи данных; техника — это финансы! Столько тысячелетий все копили деньги, серебряные динары, купюры, банковские облигации в банках, в тайниках, в матрацах, в схронах, наконец, на фондовом рынке, которым тоже, оказалось, не так уж сложно управлять ведущим государствам. И вдруг в XXI веке мы увидели, что накопление “хлама” не имеет абсолютной ценности — только тактическую: сегодня его можно продать дороже или дешевле, чем вчера.

В XXI веке финансовые отношения внутри государств и в межгосударственных связях и конфликтах весьма техничны. Регулирование учетной ставки, изменение налогового режима, таможенных пошлин — техника в чистом виде. Это не математика, не теория управления, не статистика, а техника, со всем, что с этим связано. Федеральная резервная система США — это не свод законов и не текущее законодательство, не юриспруденция, а технический манипулятор, затрагивающий интересы мировой экономики самым всеобъемлющим способом. Решение об изменении учетной ставки принимается коллегиально, значит в нем нет и не может быть искусства. Нельзя написать классическую картину вшестером, невозможно создать теорию относительности вдвоем, поскольку всегда кто-то будет первым. Валютная “подковёрная” борьба Китая и США — продолжение в каком-то смысле и иное воплощение существующей уже три десятилетия острой конфронтации двух подходов к миру. Из перспективы пятилетия или десятилетия кажется, что “сила распорядителей” побеждает “силу завоевателей”. Но завоеватели на то и завоеватели, чтобы вмиг могли поменять правила игры.

Мы уже писали о “принципе самодостаточности” [Сохань, 2014а], о том, что торговля — это святая святых в теории равновесия классических тысячелетий. На ней основывался принцип постоянного развития. Это подковёрное зло, которое чаще разрушает, чем создает государства и империи, но на нем все зиждется в силу постоянного обмана. Прежде торговля была искусством, доступным немногим — высокой торговлей занимались только избранные. Известный торговец был готов послать для заключения сделки в другой мир с другими законами (из Парижа в Багдад) своего сына. Торговля считалась смертельно опасным и крайне прибыльным в случае удачи предприятием, которым нельзя было заниматься простолыдину без связей, денег, репутации, гарантий. Не нужно забывать, что торговали короли и королевы. Чтобы торговать, требовалась совсем иная логистика: организация каравана, вооруженное сопровождение, снаряжение корабля, договор о государственной защите. Сейчас торговля (и это вторая крамольная мысль) — не более чем техника, это больше не искусство. Ее можно описывать статистически. Никто в наше время ради сделки не пошлет не то что сына, а даже номер своей банковской карточки. Хочешь что-то продавать — открой виртуальный магазин на Amazon.

Важно отметить, что торговля и финансы более не искусство и даже не умение, как у ремесленника, который выделывает кожу и сшивает шкуры, это безличная техника. Информационная база данных, статистические данные, современные прогрессивные (с развитием компьютерных технологий) обработки данных, умение предсказывать направление движения и автоматически принимать решения в зависимости от данных... Если признать торговлю технической дисциплиной, становится понятно, что западноевропейский человек проиграет на этом “краеугольном” скучном ристалище. Будущее обманчиво. Что сделает западноевропейец, осознав очевидный проиг-

рыш на ристалище? Он перестанет играть, соревноваться, и скачки или поединки рыцарей в доспехах можно будет наблюдать только в некоторых развлекательных центрах. Поскольку торговля есть техника и финансы из-за своей непродуктивной природы постоянно засасываются в воронку иного подхода к миру, западноевропейский человек закрывает границы и выдворит ненужных чужеземцев. Он взорвет бомбу первым. Что делал, то и сделает.

Демократические государства — словосочетание из 26 букв. 30% населения в РФ уверено, что солнце вертится вокруг Земли (в других странах данные, наверное, тоже не менее забавные: например, некоторые американцы убеждены, что продукт, который продается под названием “молочный шоколад” производят бурые коровы). Однако удивительным образом люди, уверенные “бог знает в чем”, все же почему-то решают выйти из Европейского Союза, построить стену от иммигрантов вдоль границы, разорвать торговые отношения, улететь на Марс в 2022 году. Можно соглашаться с Коперником или не соглашаться (это дело бесполезное для большинства граждан), но выход из Союза, принятие торговых ограничений, постройка стены, переселение части граждан Земли на Марс ведут к существенным затратам бюджета и/или потере доходов. Граждане на это идут, спешат голосовать, веря в то же время, что огромное небесное тело вращается постоянно вокруг маленького и для большого тела практически незаметного (даже если они знают, что масса Солнца в 300 тысяч раз больше Земли). Это из тех фактов, основываясь на которых, люди ругают демократию.

В начале 1996 года, когда противоречия двух идеологий (коммунистической и капиталистической) уже были сняты безоговорочной победой одной стороны, казалось, что мир разделится на две взаимосвязанные и взаимодополняемые зоны: “творцов” и “исполнителей”, “кукловодов” и “кукол”... Но в этот краткий по историческим меркам период вмешались другие страны. Половина человечества в это время была занята другими вопросами. Переход к единому рынку Европейского Союза вступил в силу в конце 1993-го и прошел первый цикл преобразований. В 1995-м 75 участников ГАТТ образовали Всемирную торговую организацию (ВТО). Глобализация позволила Китаю за 30 лет стать второй мировой экономикой в полном соответствии с тем, какую значительную роль должна играть конфуцианская страна в технологическом мире. Глобализация не только помогла Китаю и США, но и открыла новые технологии всем странам мира. Доступ к образованию и обмен опытом пришли в каждый дом.

Обсуждая развитие общества, союзы государств, судьбы доминирующих и периферийных государств, важно определить значение рациональных и иррациональных влечений. Доминирование, попытки сохранения или воссоздания национальной самоидентичности можно рассматривать как иррациональные исторические позывы, которые невозможно понять полностью и предсказать их развитие и распространение. Рациональные позывы легче просчитать, рациональные позывы и вызовы более существенны в исторической перспективе, нежели иррациональные, возникающие, кажется, случайно и исчезающие, тлеющие под землей в старых корнях, под спудом. Рациональные вызовы в современном мире достаточно просты и понятны, если “вынести за скобки” иррациональное, пассионарное влияние. Современные технологии уже сейчас готовы предложить вполне реальную картину абсолютно иного мира. При этом никто не знает, как это практически осуществить в нынешних условиях. Простой пример. В автомобильных

катастрофах каждый год гибнет больше людей, чем при вооруженных конфликтах. Если потратить незначительную часть оборонного бюджета на создание системы самоуправляемого транспорта, можно кардинально изменить мир, в котором мы живем. Но что делать с водителями такси, грузовиков, метро, доставщиками пиццы, почтальонами, с сотнями миллионов тех, кто содержит семью своим трудом, управляя механизмами, роль которых вполне могут выполнять другие устройства. Перемещение товаров и пассажиров с использованием современных технологий, контроль безопасности объектов, наблюдение, готовка, расфасовка, подача — все, чем заняты сотни миллионов, можно осуществлять, задействуя меньшее число агентов. Что делать с теми, кого трудно переqualифицировать? Как быть с множеством стран, где даже нет доступной питьевой воды? А с теми, кто хочет воевать?

Глобализация как инструмент коррелировала с попыткой со стороны нескольких развитых стран использовать дешевый труд слаборазвитых стран, которые согласились участвовать в этом разделении рабочей силы. Но глобализация как идеология подразумевала весьма существенную либеральную составляющую: как записано в Декларации о правах человека, все люди рождаются равными, следовательно, все страны равны. Оказалось, что для современного мира это пока утопические представления. Возобладала концепция “самодостаточности” крупных государств, которые пришли к необходимости закрыться, самоограничиться, будучи не в силах взаимоприемлемо справиться с возникшими проблемами. Учитывая то, как подобные сложности решались прежде, видимо, это справедливая точка зрения, которая будет оставаться актуальной какое-то время.

В XX веке было несколько тем, постоянно будораживших умы, словно навязчивые мысли или какая-то мелодия, которая постоянно звучит в голове: социальная справедливость, новое средневековье, демократия и либерализм, зеленая идеология. Что такое социальная справедливость? Тот, кому удастся определить это понятие, должен получить Нобелевскую премию. Такими бесплодными идеями в XIX веке были не только социалистические или имперские, о которых мы писали в 1997 году в статье “Новые “демократические империи”” [Сохань, 1997], но и анархические. Анархические представления Прудона, Бакунина, Кропоткина не вызвали крупных общественных движений, если не считать крестьянскую республику Нестора Махно.

Поскольку мои публикации известны наличием крамольных идей, сегодня, в 2017 году я должен высказать очередную: выборы президента США — это торжество анархических идей и самое успешное воплощение убеждений анархических мыслителей. США становится анархическим государством. Бизнесмен — глава государства. Это создает вектор, направляющий и другие страны. Выход Великобритании из Европейского Союза с вероятным разломом Великобритании полностью соответствует анархическому вектору, который воцарился в современном мире. В статье “Деспотия демократии” 2008 года речь шла о “разочаровании в демократии”: “Проблемы демократии, ее болезни порождают в обществе класс ренегатов, которые не верят обществу, разочарованны и избегают участвовать в каких-либо демократических ритуалах, вроде всеобщих выборов. Таких людей становится все больше. Если следовать букве демократии, никогда не знаешь, к кому власть перейдет” [Сохань, 2007: с. 116].

Анархизм известен и популярен в основном своими радикальными решениями. Он близок молодежи. Очевидна настоящая трагедия анархизма,

который оказался использованным “хулиганами” против своих собственных убеждений в другой реальности, так же, как Фрейд, который исследовал бессознательное, был низведен до формулировок сложностей сексуального развития в семье. Человек тысячелетиями жил с сексуальными проблемами в семье, и заслуга Фрейда не в том, что он это описал и определил маркеры извращения поведения, а в том, что он открыл, вынул из шляпы, как фокусник кролика, все человеческие подспудные и неосознаваемые решения. Анархизм классических анархистов, мыслителей, философов — это подобный фрейдовскому анализ. Классические анархисты отождествляли его с нашим личным отношением к обществу, к крупной группе, социуму. Фрейд был сфокусирован на проблемах семьи, анархистов интересовала самая большая патриархальная семья — государство.

Новая крамольная мысль, о которой я говорю в 2017-м, — призыв более внимательно относиться к архаическим идеям, просьба всячески отсекай связь классических анархических идей с тенденциями их использования молодежью, с насилием и терроризмом. Нельзя отрицать значение государства, основываясь только на примерах тоталитарных стран.

Анархизм как классическая философия, как точка зрения отдельной личности на мир и общество, в которой нет идеологии по определению, которая не призывает выходить на улицу и бороться с бесконечным и естественным произволом власти, государства, становится более заметным в наше время. Раньше анархизм присутствовал в идеологии как серый кардинал, идеи были могущественны, но не выражены внешне явно и просто, понятно для всех. Это отличительная черта анархизма. Идеи живут в своего рода масонской ложе, их повторяют, им верят, но с ними не ходят на выборы в демократических государствах. Однако это не значит, что в последних не может победить анархический кандидат.

Мы начинаем понимать, вернее, только видеть первые признаки подспудного проникновения анархизма в живую, реально действующую политику. К анархическим идеям необходимо относиться серьезно. Они проиграла в XIX и в XX веках, но вполне могут успешно отыграться в XXI.

Попробуем определить, что такое классический анархизм (сказано с иронией, поскольку невозможно определить неопределимое — точку зрения, это все равно, что определить положение электрона в данный момент времени). Положительное в анархизме — это признание и констатация того, что государство — не общество, это не мы и не я. Государство — это государство, а мы и я существуем отдельно. Индивидуалист социалистичен и, соответственно, идеологичен, поскольку хочет, чтобы все были, как он, индивидуалист ищет союзников, чтобы вокруг него не появились чужие. Это кредо индивидуализма.

Очередная крамольная мысль: социализм весьма индивидуалистичен, а социальность — это маска, которая скрывает метафизически индивидуалистическую позицию. Социалисты одиноки, они не знают, что такое зрелище, они самоудовлетворяются в своей позиции, радостно совокупляясь в своем эфемерном духовном торжестве. Анархист связан с окружающими только на личностном уровне, относится к ним с любовью и интересом, но без всякого пафоса. Однако даже в самой чистой форме анархист — не персоналист.

Марксисты призывали и призывают к диктатуре пролетариата, и такие революционные идеи казались оправданными для создания государства и

цепочки взаимосвязанных государств имущественного равенства, фиктивного и театрального. Идеология коммунизма “естественно” воинственная, поскольку не человек должен принять сам лично “коммунистическое решение о справедливости”, а необходимо построить общество, где это станет нормой, а норма станет обязательной. Анархисты призывают к отказу от господства государства в принятии личных ценностных решений. Классический анархизм призывал разве что к созданию коммунального мира самоорганизующихся общин. Здесь неуместна воинственная риторика. Тем не менее классические анархисты непреклонны в фундаментальных вопросах. Если богатство — это воровство, по определению анархистов, то “вор должен сидеть в тюрьме”, и дело государственных правоохранительных органов (если уж государство существует) — поймать вора, а суд должен осудить и покарать преступника с целью показать, что такого рода деятельность недопустима в обществе.

Еще одна крамольная мысль: армию не используют для поимки воров. Идеология марксизма предполагает использование армии и необходимость войн, пока не будет построен мир всеобщего равенства. Идеология анархизма не признает армию. Так, армия Махно — это скорее партизанские отряды, возникающие в случае внешней угрозы из добровольцев-граждан. Поэтому идеология анархизма не смогла овладеть массами. Теракты, которые устраивали молодые одурманенные плохо понятыми идеями “воинственные” анархисты, противоречили идеям анархизма и не только не подрывали основы государства, ради чего, собственно, и производились, а рушили основы и базис самой анархической идеи, поскольку из верной идеи делали сомнительную идеологию.

Революционный марксизм в итоге превратился в западноевропейский социализм, построение социально ориентированных государств, в которых на социально ответственных предприятиях трудятся социально ответственные граждане, платят налоги в государственный котел (местный, федеральный) для пользы всего общества. “Воинственный” анархизм так и остался террористической организацией без какой-либо определенной и непротиворечивой идеологии. Классический анархизм Прудона, Бакунина, Кропоткина остался без общепринятой идеологии, и основные идеи и концепты были “размылены” среди других точек зрения.

Марксизм и анархизм — это сводные братья, которые молодость провели вместе, развлекаясь, формируясь в одних и тех же заведениях: школы, университеты, трактиры, ссылки, тюрьмы. Идеологии марксизма и анархизма посвящены тысячи работ. Исследованы и история движений, и различные аспекты их проявления. Главное, что объединяет их, — это требование справедливости. Говорить о “справедливости” можно бесконечно. Отцом марксизма признают Маркса, впервые анархистом назвал себя Прудон. Признаем, что это родственные мировоззрения, и не будем анализировать, где больше социальности, где — индивидуализма, где — государственности, где — общности граждан, что важнее: дарвинистское учение о происхождении видов или кропоткинские мысли о решающем значении кооперации и сотрудничества, которые преваляют в природе, побеждая конкуренцию и соперничество.

Я отмечал то новое, что только появилось в XXI веке. Кажется, сводные братья опять встречаются на новом витке развития европейской цивилиза-

ции, когда социальность, порой “болезненная”, стала опорой как нового социализма, так и нового неклассического “постмодернистского” анархизма.

О влиянии анархических представлений на благотворителей я писал в книге “Философия благотворительности” [Сохань, 2014б], впрочем, замечая скорее сходство и не указывая на прямое влияние. Идеи классического анархизма возникли прежде современной благотворительности (хотя ей более 10 тысяч лет), и в поэмах Гомера можно найти примеры множества благотворительных поступков, когда странника приглашали к столу, давали кров, убежище. Но современная благотворительность совсем иная — это не только подавание и взносы в благотворительные фонды, а основа мировоззрения многих успешных людей, решающих еще при жизни, как распорядиться всем накопленным. Современный благотворитель — это не тот “проклятый вор” Прудона, который заимел хитрым способом имущество в своих сугубо личных корыстных целях (“собственность — это кража”). Современный благотворитель — свободный человек, который взял взаймы некую сумму от родных, друзей, государства, банка, использовал ее на собственное образование, затем потрудился и в итоге вернул долг с процентами, а затем отдал обществу всю полученную прибыль. Это абсолютно честный поступок, совершенный в духе настоящей анархической классики. Об этом, возможно, и мечтал Прудон. Только он тогда еще не знал теорию своего ученика Маркса о прибавочной стоимости.

Два сводных брата — марксизм и анархизм, которые рождены, видимо, в родовых схватках Французской революции, о которых все знают, которых уважают, у которых столько поклонников, имеют, однако, еще одного брата. О нем не принято в обществе говорить как о незаконнорожденном. Он родился намного позже. Речь идет о персонализме как самом незаконнорожденном направлении среди всех известных.

Персоналистом называют Достоевского, который именно и придал своей фигурой такое огромное значение, казалось бы, всем понятным и знакомым отношениям человека и общества, человека и близких, человека и самого себя. Бердяева — философа с солидным марксистским прошлым — тоже называют персоналистом, поскольку его культ творчества все же трудно отнести не к персонализму. Но персонализме мы знаем благодаря Мунье, не только из его дерзкого “Манифеста персонализма” или журнала “Эспри”. Это были тридцатые — сороковые годы прошлого века. Видимо, что-то открылось в то время — и появился персонализм, который затем, впрочем, стал еще менее значимым и известным, чем анархизм. Попытка Мунье сделать персонализм идеологическим не удалась. Персонализм так и остался чистой философией, точкой зрения.

Маркс был ярким противником идеологии, поскольку идеология — попытка некоторой группы стать выразителем большинства. Изначально анархизм Прудона и марксизм Маркса не были идеологиями. Ученый не может быть идеологом. Нельзя быть папой и мамой одновременно, поскольку тогда теряется значение этих понятий.

В работах [Сохань, 2014б; Сохань, 2017] уделялось большое внимание идеям анархизма, поскольку мне кажется, что исторический процесс “замутит” чистое отношение к идеям классиков анархизма. Эти идеи были опорочены и искажены, как произошло и с идеями Маркса. В столице России су-

ществуют станции метро “Бакунинская” и “Кропоткинская”, но вряд ли пассажиры читали книги этих философов.

Родословную трудно проследить. Мы отмечаем, что персонализм — это внебрачный сын Французской революции, но, возможно, он даже внук. Тогда все меняется: внук не может быть в ответе за дедушек, хотя он и признает родство. Это создает преимущество, но не налагает обязательств.

Когда Шпенглер писал первый том “Заката Европы”, уже были произведены раскопки Шлимана и была найдена Троя, родина западноевропейской цивилизации — в нашем представлении, благодаря божественному Гомеру. Мы теперь знаем координаты пребывания воинов, разрушивших Трою, но как жили захватчики-греки или троянцы в то время, мы все равно понять не можем и никогда не будем иметь такой возможности... Поэтому была Троя, был Рим, был Версаль. И мы никоим образом не в силах представить себе, что чувствовал шевалье, оказавшись впервые в Версале. Невозможно представить те запахи, колорит, улыбки и шутки, то, как были одеты те люди, как носили свои одежды, что считалось вульгарным. Странные претензии. Кто помнит, каким он сам был 33 дня назад в 11 утра? Однако, если потрудиться, можно вспомнить.

Человек не может понять чужую культуру, поскольку нельзя доказать, что он понял или не понял в ней. Сто лет назад Шпенглер утверждал, что невозможно понять чужую культуру, и поэтому каждая цивилизация упирается в грань, которую не переступить. Цивилизация, дескать, оставляет только руины — ими потом балуются те, кому повезло работать и копать в древностях. Все сказанное было бы верно, если бы жизнь не повторялась снова и снова, если бы мы не говорили о новом средневековье, о новом модернизме (как это ни смешно).

Конечно, человек может понять как родную любую культуру, более того, он может понять самого себя через двадцать лет, а еще через двадцать — и своего отца, который разговаривал с ним о чем-то важном. А может и не понять. Принципиальная возможность понимания не обязательно окажется общедоступной собственностью. Предсказания может делать каждый. Сбывается же только то, что было верно предсказано. Если предсказаний не было, то и сбываться нечему. Жизнь есть жизнь. Верные предсказания, в отличие от прочих, называют сбывшимися.

Источники

Сохань И.П. Деспотия демократии / И.П. Сохань // Социологические исследования. — 2007. — № 3. — С. 110–118.

Сохань И.П. Принцип самодостаточности / И.П. Сохань // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2014а. — № 4. — С. 199–207.

Сохань И.П. Счастье и грех. Философия благотворительности / Сохань И.П. — СПб.: Алетейя, 2014б.

Сохань И.П. Я и Мы. Точка зрения агностического персонализма / Сохань И.П. — СПб.: Алетейя, 2017.

Сохань Л.В. Сбывающееся непредсказанное / Л.В. Сохань, И.П. Сохань // Свободная мысль. — 1996. — № 9. — С. 52–60.

Сохань Л.В. Новые “демократические” империи” / Л.В. Сохань, И.П. Сохань // Социологические исследования. — 1997. — № 2. — С. 65–68.